УДК 821.161.1 (092) Улицкая Л. – 1 «Казус Кукоцкого» + 81

ФЕМИННЫЕ УПОДОБЛЕНИЯ В ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»**Яньфэн Ли**^{1, 2, @}¹ Гуансийский медицинский университет, 530021, Китай, г. Наньнин, Shuangyong Rd, 22² Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28

@ liyanfeng@yandex.com

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 25.05.2018.

Ключевые слова:

гендер, образное феминное уподобление, тропы, реалии, аллюзии, Л. Улицкая, «Казус Кукоцкого».

Аннотация: Статья посвящена сравнениям по сходству и функционально эквивалентным им метафорам, «мишенью» которых являются героини романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Автор статьи предлагает учитывать разницу между логическим и образным сравнением, подчеркивая субъективный характер второго, присущую ему ирреальную модальность, а также – возможное совмещение образного и логического сравнения в сложноподчиненном предложении со сравнительным придаточным.

Тематическое разнообразие феминных образов уподобления в романе соотносится с применением, прежде всего, природоморфных и антропонимических сравнений. Из природоморфных приоритетны зоообразы, отдельные из них задают начало ассоциативным микрополям главных героинь. Предпринята попытка объяснить концептуально-тематические установки писательницы, связанные с этими микрополями. Учитываются текстовые связи сравнений и метафор как генетически близких языковых явлений, объединенных общим понятием «компаратив». Тем самым сохраняется целостность восприятия тематических ассоциативных микрополей с компаративными доминантами, участвующих в характеристике женских образов, и прослеживается соотношение тропов и реалий в текстообразовании. Гендерный подход к описанию образов уподобления, представленность большого разнообразия их способов выражения в романе Л. Улицкой позволили обнаружить идиостилевые черты автора-женщины: частое сопровождение форм уподобления пояснениями, уточнениями, в которых прямо или косвенно отражается авторское отношение к героине (сочувствие, ирония и иногда сарказм), и вместе с этим – концептуальные тематические установки писательницы, связанные с судьбами главных героинь, с судьбой семьи знаменитого женского доктора Кукоцкого. В статье отмечена речевая дифференциация в создании феминных образов уподобления – самим автором и героями его романа; выявлена тенденция женских компаративных характеристик в писательской манере Л. Улицкой.

Для цитирования: Ли Яньфэн. Феминные уподобления в текстообразовании романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 199–205. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-199-205>.

Под феминными уподоблениями мы подразумеваем сравнения по сходству, в том числе немаркированные (например, творительный сравнения, именной компаративный предикат), «мишенью» которых являются героини романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Главные из них: Елена – жена Павла Алексеевича Кукоцкого, их дочь – Таня, Василиса – бывшая монахиня, помощница в доме Кукоцких, и Тамара Полосухина – ровесница Тани, которую приютили в доме Кукоцких после смерти ее матери. Гендерный аспект описания семантики и функций уподоблений позволяет ярче выявить особенности манеры письма автора, тем более что в последние десятилетия заметно проявляется интерес к «женскому письму» [1–4].

В структуре сравнения как «стилистического приёма, основанного на образной трансформации грам-

матически оформленного сопоставления» [5, с. 534] присутствуют четыре компонента: 1) предмет сравнения (основной / опорный субъект); 2) образ сравнения (дополнительный / вспомогательный субъект); 3) основание сравнения, его модуль (признак сходства / различия); 4) показатель сравнения: союз, предлог, указательные наречия (*так, так же*, присоединяющие распространенное выражение образа сравнения), полусоюзы, полусоединительные слова типа *похожий, напоминать* и др. [6–8].

Неполная структура сравнения-уподобления проявляется в таких формах, как творительный уподобления, когда нет показателя сравнения (*Таня серой тонкой птицей порхала вокруг стола <...>* [9, с. 445]), в словообразовательно-метафорических образованиях, когда не вербализован признак сходства (*пуговичный* глаз

Василисы; секретарша **ренуаровского типа**), в именном компаративном предикате, соединяющем признаки сравнения и метафоры (*Елена знала, что Василиса – ранняя птичка и свое молитвенное бормотание начинает среди ночи* [9, с. 27]). Перечисленные (и др. – см. дальше) формы выражения сравнения, включая метафору (как скрытое сравнение по сходству), мы вслед за В. П. Берковым [10, с. 107–160] объединяем общим понятием «компаративы» (составляющие функционально-семантического поля «компаративность»).

«Образная трансформация, – пишет В. В. Одинцов, – вызывается: 1) сопоставлением **разноплановых** (семантически далеких) понятий; 2) усложнением или развертыванием объекта или средства сравнения; 3) опущением союза» [5, с. 534].

В образном сравнении-уподоблении происходит неполное приравнение сопоставляемых предметов, их семантическая приближенность. В связи с этим образное сравнение модально окрашено: в нем передается авторское отношение к изображаемому, его чувство [11, с. 280–283]. Образному сравнению, обладающему экспрессией, противопоставляется логическое [8; 12], т. е. сравнение *однородных* (одноклассовых) предметов, явлений.

Если перед нами образное сравнение, то его модально неокрашенный показатель (союз или предлог) легко заменяется показателями ирреальности (*как будто, как бы, словно*). Например, Василиса, героиня Улицкой в романе «Казус Кукоцкого», говоря о белом парадном школьном фартуке с плиссированными оборочками на плечах Тани, употребляет сравнение «Как у ангела...» [9, с. 49] – можно заменить «как будто, словно у ангела».

В составе сложноподчиненного предложения логическое и образное сравнение могут сосуществовать, отражая образную *ситуацию*. Например: *И разговаривала [Василиса] с ней (с Еленой), как с кошкой* <...> [9, с. 378]. В этом случае сопоставляются не только однородные, но идентичные (направленные на разные объекты) действия: *разговаривала точно так же, как разговаривают с кошкой* (прономинальные скрепы характерны для логических сравнений); автор поясняет эту одинаковость: – *в воздух, невнятным словами одобрения или недовольства*. Попутно, как мы видим, сопоставляются и *разнородные* явления – *Елена и кошка*. И это сопоставление создает для читателя определенный образ, «картину». Т. е. в придаточном сравнения можно наблюдать «соседство» логического (на уровне предикатов) и образного (на уровне актантов) сравнения.

Разграничение образного и логического сравнения можно видеть в тех случаях, когда образ сравнения выражен антропонимом. Аллюзивные феминные уподобления, присутствующие в романе Улицкой (они прежде всего соотносятся с образом Тани), являются образными, если героиня сравнивается с известным литературным персонажем, и – логическими, если героиня сопоставляется с конкретным, обычно известным лицом. Например: – «**Бедная Лиза!**» – сказала она [Таня] вслух, заглянув в последний раз в язускую

воду. – *Топиться не будем* [9, с. 323]. Ироническая рефлексия на известную горестную судьбу карамзинской героини выражена здесь опосредованно (*Топиться не будем*).

Не раз автор при помощи сравнений намекает на ситуации, связанные с жизнью А. С. Пушкина: [*Сергей – Таня*] – *Мне так нравится, мне ужасно нравится. Ты всегда будешь у меня ходить беременная и рожать все время... Как Наталья Николаевна...* [9, с. 425]. Сергей намекал на то, что жена Пушкина, Наталья Николаевна, в течение шести лет родила четырех детей, т. е. через небольшие промежутки времени. *Веснами Таня, как Александр Сергеевич Пушкин, плохо себя чувствовала: бессилие, усталость, постоянно липнувшая простуда. На этот раз к обычному весеннему недомоганию прибавилась непреодолимая сонливость и отвращение к еде* [9, с. 390]. Здесь автор намекает на следующие строчки из стихотворения Пушкина «Осень»: «<...> *вонь, грязь – весной я болен*».

В романе Л. Улицкой среди образных преобладают природоморфные сравнения уподобления, которые доминируют в характеристиках героинь в тексте: *Таня была не воробей и не подорожник, она была что-то редкостное, вроде королевской лилии или большой прозрачной стрекозы* [9, с. 73]. Большая часть из природоморфных уподоблений – зоообразы. Приведем примеры: *тетя Тома с мышью мордочкой* [9, с. 502]; *Тома остановилась, как маленькая коза* [9, с. 152]; [*Катя*], <...> *выгнувшись по-кошачьи, опустила загадочное существо в садок младенцев* [9, с. 239]; *Девочка взглянула на него молочными, как у котенка, глазами* <...> [9, с. 433]. Здесь мы наблюдаем, кроме союзных сравнений, предложное (*вроде королевской лилии*), словообразовательное (*по-кошачьи*), а также отрицательный именной компаративный предикат (*не подорожник, не воробей*) и атрибутивную метафору (*мышья мордочка Тома*).

Наряду с указанными способами феминные зоосравнения выражаются в романе при помощи неполнознаменательных глаголов, из которых *напоминать, казаться* подчеркивают приблизительность уподобительного образа, а *оказаться*, кроме этого, – неожиданность и отрицательную оценку героинь. Указанные глаголы вводят в текст именные компаративные предикаты в форме творительного падежа, которые надо отличать от творительного уподобления (см. далее в контексте: *иглочками*), зависящего от полнознаменательного глагола. Особенность использования таких образных характеристик в том, что их суть обычно подробно поясняется автором. Например: *Пожалуй, она [дочь Тани] напоминала ежонка: длинный носик, слипшиеся иглочками пряди волос...* [9, с. 449]; *До конца четвертого урока она [Таня] просидела за партой в столбняке, не выходя даже на перемены. Девочки, от которых она ждала дружбы, оказались злыми обезьянами: они скакали вокруг нее, дергали за косы, тыкали пальцами и обидно смеялись. Таня силилась понять, за что они ее невзлюбили, и не догадывалась, что они таким способом лишь выражают свой интерес к ней* [9, с. 50];

Грудастая Коза рядом с ней казалась воробышком, и тетя сразу же прониклась к ним снисходительной нежностью [9, с. 403].

Для таких героинь романа Л. Улицкой, как Елена и Тамара Полосухина, уподобительная зоохарактеристика проходит через весь текст (образуя ассоциативные микрополя) и связана с концептуально-тематическими установками автора. Тома, которая после смерти своей матери стала жить в семье Кукоцких, несколько раз в речи (и мыслях) Елены сравнивается с мышью, при этом участвует словообразовательная деривация (*мышевидная девочка; тетя Тома с мышью мордочкой*), родительный уподобления (*с повадками мелкого грызуна*). Несмотря на свою незлобивость и безответность, она не нравится Елене, о чем свидетельствуют следующие контексты: *Два случайно совпавшие события – семейная ссора и приход в дом Тома – как-то соединились вместе, и Елена с глубоко запрятанной неприязнью наблюдала за мышевидной девочкой, едва достающей Тане до плеча...* [9, с. 104]; *Взгляд Елены то и дело натывался на щуплую девочку с повадками мелкого грызуна, беззлобную, безответную, жалкую донельзу, косвенную виновницу семейного крушения, которое оказалось для Елены горше всех пережитых несчастий: смерти родителей, бабушки, мужа, большие смертельной болезни и даже больше самой войны. Невозможно было жить вместе с ней, но также невозможно и отделаться от нее, отослать к родственникам, сдать в детдом* [9, с. 109]. Развернутое сравнение (15 слов), выраженное при помощи формы суперлатива (*горше всех...*), обнажает, конкретизирует, интенсифицирует психоэмоциональное состояние Елены – *глубоко запрятанную неприязнь* (к Тамаре).

Мышинность Тома, т. е. ее внешняя и внутренняя серость, в подтексте проходит через весь роман. Она росла в многодетной семье, без отца. Ее мать, дворничиха, умерла от криминального аборта. В школе Тома отнюдь не блистала, одевалась бедно. Ни внешне, ни внутренне она не была такой яркой, как Таня Кукоцкая, красивая (черноглазая, кудрявая, *с убийным обаянием*), свободная и смелая во всех своих проявлениях. Таня – бойкая, живая, отзывчивая, а Тома – незаметная, тихая: в детстве она была как *бесплатное приложение* Тани. Но Тамара Полосухина – трудолюбивый человек. И даже в конце романа говорится о том, что она дописывает кандидатскую диссертацию о домашних растениях, о которых она с удивительной любовью заботится. При всем при этом заметно, что автору такие люди не по душе, возможно потому, что природная *мышинная серость*, неоригинальность не мешают им в зрелости считать себя выше окружающих и с фамильярной снисходительностью (отношение Тома к большой Елене) относиться к тем, кто когда-то помог им, приютил. Это чувствуется в восприятии «тети Тома» Женей (внучкой Елены) – как «счастливой своим замужеством, гордой за свое прошлое, настоящее и будущее, к которому она делала медленные и уверенные шаги» [9, с. 502]. В этой характеристике, возможно, проявляется не только легкая ирония по отношению к человеку, который

с удовольствием ощущает себя хозяином в доме, где когда-то его приютили (и даже считает себя продолжателем наследия знаменитого гинеколога), а также здесь имплицитно горькое осознание полного разрушения (*казуса*) семьи талантливого женского доктора (он сломался под давлением системы, неразрешимой семейной ссоры, внезапной смерти дочери; его жена неизлечимо больна).

С мышью сравнивается и Василиса, но в этом случае подчеркивается вдумчивая поглощенность наблюдаемым и удивление Василисы (бывшая монахиня, она многому удивлялась в мирской жизни): *Так, сидя при дверях замороженной мышью, в последующие два года Василиса узнала о ходе российской истории – о неудачных военных действиях, об отречении государя... Здесь же, на лавке, узнала она и о подготовке Собора и возможном избрании патриарха, и о свершившейся революции...* [9, с. 99]. Василиса – необразованная, «темная» в своих представлениях – доверяет разным слухам, легко попадает на крючок официального заявления о врачах-евреях как о врагах народа – в этом проявляется ее *серость, мышинность*. Но в отличие от Тома, Василиса навсегда сохраняет наивысшую преданность своим попечителям и никогда не посягает на их статус.

Елена, «обломавшая свою бедную психику, чтобы не замечать того, с чем *сражаться* невозможно» [9, с. 502], в романе Улицкой является «мишенью» уподобительного образа кошки. Но предварительно заметим, что использование глагольных, по значению деструктивных, метафор (*обломавшая психику, сражаться*) обнаруживает значимость интеллектуального начала в этой героине (хотя «темная» Василиса считает, что бог ее «*разума лишил*» – см. дальше). Сны, видения, воспоминания, отраженные в ее тетрадях во время ее душевной болезни, нередко включают уподобительные *чертежные образы* (по специальности она была чертежником). Но именно образ *кошки* сопровождает описание этой героини до конца романа. До болезни Елены ее сравнение с *кошкой* отражает мягкую, привлекательную пластичность героини; а когда душевная болезнь завладела ею, образ *кошки* заменился в понимании Василисы образом «животная»: *Даже внешне Елена стала постепенно меняться: похудела, заострилась. Медленно-округлые движения, мягкий, с наклоном поворот головы, кошачья повадка устроиться в кресле, на кушетке, легко вписываясь телом в любой мебельный угол, – естественная, ей одной свойственная пластика, столь привлекавшая всегда Павла Алексеевича, – все это уходило от нее* [9, с. 108]; *Василиса и относилась теперь к Елене снисходительно, как к домашней скотине – покормить, почистить...* [9, с. 378].

В раздумьях Василисы о больной Елене зоосравнения обобщаются сравнительным оборотом с просторечной формой (что свойственно этой героине): *Про Елену и говорить нечего, уж ее-то жизнь как на ладони: и добрая, и тихая, и сердобольная, всех кошек жалела, а про Флотову-то забыла? Не на ее ли совети? За что ее Бог так наказывает? Разума лишил*

и чувства всякого. *Живет как животная*... [9, с. 378]. Возможно, замена родовой формы (женский род вместо литературного среднего рода) не столько связана с необразованностью Василисы, сколько с ее желанием подчеркнуть в зоохарактеристике феминность.

В русской культуре *кошка* имеет символические значения: положительное – счастье семьи; отрицательное – встречаться с черным котом / кошкой значит скверный признак; *кошка* во сне – к болезни. Кроме того, *кошка* символизирует такие признаки, как ласковая, любит ласку, надоедливая и действует ловко [13, с. 78].

Соотношение Елены и образа *кошки* является *сквозным* в романе и связано с таким явлением, как «тропы и реалии в художественном тексте» [14, с. 37–63]. Суть его в том, что одно и то же слово (словосочетание) может быть использовано и в прямом значении, и в переносном – в виде метафоры или сравнения. Уже в предыдущем отрывке наблюдаем: слово *кошка* используется в прямом значении, а дальше ему соответствует образ сравнения *как животная*.

Приведем еще примеры: *Елена рассеянно повела рукой, смутилась: Она улыбнулась нестерпимо жалкой улыбкой и схватилась за кошку, как ребенок хватается за руку няньки*... [9, с. 386]; *Всегда кошка, – пришло в голову Павлу Алексеевичу. – В следующий раз, когда она снова заговорит, выгоню кошку в коридор... Как странно, кошка – как проводник в безумие*... [9, с. 389]. В предпоследнем предложении *кошка* становится как бы символом душевного заболевания Елены, которое возникло не без участия жестокого слова Павла Алексеевича о том, что после операции героиня уже не женщина, т. е. не способна к деторождению.

Опосредованная связь с образом «кошка» наблюдается в следующих примерах: *Елена, с чуткостью нервнобольной заметив молниеносную нахмуренность Павла Алексеевича, замолчала. <...> Но она [Елена] замолкла, как будто выключили ток. Снова погрузила пальцы в Муркину шкуру, заряженную живым, чуть потрескивающим электричеством, и полностью оторвалась от беседы <...>* [9, с. 389]. Соотношение тропа и реалии здесь как бы делает новый виток: акцент переносится на *заряженную живым электричеством шкуру Мурки*.

Образы уподобления связаны причинно-следственными отношениями: нервнобольная обнаруживает *молниеносную нахмуренность* мужа, и следствием этого явилось ее молчание, которое сравнивается с *выключением тока*, и цепочка обусловленности завершается употреблением синонима к слову *ток* – *электричество*, но уже по отношению к Муркиной шкуре – образ развертывается, включая метафору (*запряженную живым*), а также звукообраз (*потрескивающим электричеством*).

В связи с тем, что Елена постоянно соотносится с представлением о *кошке*, а Тома сравнивается с *мышью*, читатель может задуматься о неслучайности использования этих зоообразов: в быту *кошка* и *мышь* – антогонисты. В начале романа Елена испытывает глубокую неприязнь к Томе, а в конце она,

совершенно больная и беспомощная, полностью находится во власти «тети Тома».

Текстообразовательную связь образов уподобления можно наблюдать в следующем текстовом фрагменте о жизни Тома в доме Кукоцких: *Равовалась и Таня – Тома заняла в ее жизни особое место, что-то вроде говорящей собачки, о которой надо заботиться. Она в рот куска не брала без Тома, всегда готова была отдать ей все лучшее, но временами, устав от ее молчаливого и робкого присутствия, ускользала одна погулять или в соседские гости... Тома не обижалась, но ходила за Таней хвостом, боялась упустить ее из виду* [9, с. 105]. Предложный образ сравнения (вроде собачки) соотносится с устойчивым оборотом с творительным уподобления (*ходила хвостом*) как целое и часть.

Соотношение тропа и реалии может связывать родовое понятие и видовое, например: *Тому совершенно не занимало, любят ли ее в новой семье. Она имела в доме свое место, скорее напоминающее место домашнего животного. В этом не было ровным счетом ничего обидного: в иных домах весь домашний миропорядок крутится вокруг собачки, которую поутру надо вывести, или кошки, которая ест только один определенный сорт рыбы* [9, с. 167]. Сравнение, отмеченное лексическим показателем (*напоминающее*), соотносится с номинациями *кошка* и *собачка* и еще раз напоминает о положении в доме девочки-сиротки. В таких случаях мы считываем авторское участие по отношению к героине и ее незлобность и необидчивость.

Приблизительность образа сравнения в данном отрывке подчеркивается метатекстовым элементом (*скорее*), и последующее подробное пояснение с включающим уточнением (вокруг *собачки* или *кошки*) как бы мягко оправдывает сложившуюся ситуацию.

Признанная субъективность образного уподобления (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Скворецкая) [15; 7], страстность автора, создающего образное уподобление, позволяют говорить о нем в тех случаях, когда эксплицируются особенности речи героини. Взаимоласковые отношения между Таней и Павлом Алексеевичем, импульсивность Тани и сентиментальная душевность отчима отражаются в употребляемых в их речи образах уподоблений и сопутствующих им суперлативах и других интенсификациях: *Вдохнула [Таня] его родной запах, который всегда ей так нравился, – смесь медицины, войны и алкоголя, – зажмурилась, зашептала: – Какой еще Флотов, какой еще Пароходов... Ты с ума сошел... Ты мой самый настоящий, самый любимый слон, папка, дурак старый... Мы с тобой похожи ужасно... ты мое самое во мне лучшее...* [9, с. 396]; *Она [Таня] увидела волнение Павла Алексеевича, и вся ее детская любовь к нему, как солнышко в небо, вошла в ней в эту минуту*... [9, с. 396]. В речи этих героев в качестве любвеобильных характеристик используется именной компаративный предикат: *Павел Алексеевич, вообще очень сдержанный в отношениях, даже с любимой женой, строго соблюдающий свой предел допустимого и в жестах, и в словах, с Таней доходил до старческого сюсюканья. «Слад-*

кая вишенка», «папин воробышек», «черноглазый бельчонок», «ушастое яблочко» – пошлейший гербарий и зоосад обрушивал он на ребенка. Танечке это очень нравилось, и у нее тоже был свой набор ласковых прозвищ для отца: «мой лучший собач», «Бегемот Бегемотыч», «Сомик усатый» [9, с. 32]. Отнесение последних образов к феминным – условно: они маскулинные, но характеризуют особенности речевого поведения героини. Василиса в своей речи нередко использует отрицательные именные компаративные предикативы. Например, она говорит Елене: – Ну что же, надо с Томочкой-то решать... **Не щенок, не куленок.** Феня-то ее брать не хочет. Либо в детдом определять, либо оставлять [9, с. 104].

Отличительной чертой феминных уподоблений в романе Л. Улицкой является не только их распространено-пояснительный характер, но и коннотативная дифференциация. Если в речи героев феминные сравнения положительно окрашены, то в речи автора они нередко являются откровенно жесткими, неприемлемыми, например: *Потом Василиса сама проворно расстегнула байковый халат и сняла серое залатанное белье. Нагота ее была такой же **нищенской, как одежда.** Серое морщинистое тело, **узловатые** длинные ноги в чернильных венах и красной сыпи мелких сосудов, ссохшаяся, **как у паука,** грудная клетка с большим крестом чуть ли не на пупке. Смотреть на Василису было неловко, но зрение ее было таким слабым, что она не чувствовала Таниного взгляда, да и при всей своей природной стыдливости в бане Василиса снимала с себя стыд вместе с одеждой. Между ног ее Таня заметила розово-серый, **размером с кулак,** мешочек довольно отвратительного вида...* [9, с. 469].

Отрицательно-оценочные образы уподобления подерживаются определениями с негативной семантикой (*залатанное, нищенской, ссохшаяся, отвратительно-го*). И только косвенное включение в описание нагой Василисы отношения к ней Тани (*смотреть на Василису было неловко*) смягчает представленную сугубо реалистическую картину и вносит в нее для читателя заметную долю жалости, побеждающей возможное чувство брезгливости.

Если выше представленное описание Василисы, в котором присутствуют натуралистические уподобления, немного смягчено косвенным соучастием Тани, то следующая образная феминная характеристика в речи автора является просто безжалостным приго-

вором: *Галина Ивановна, старая школьная учительница, изношенная лошадь с обвисшим крупом, пришла в класс в новом платье – в летнем, **грязновато-бежевом, в прерывистых черных линиях, которые то терзали друг друга, то снова находили, выкидывая кривые отростки*** [9, с. 71]. Описание платья этой старой учительницы может вызвать у читателя визуальную неприязнь.

Можно также говорить об определенной смелости автора-женщины, создающего подчас неожиданные для читателя феминные образы: *Вика подняла круглое женственное плечо, раздула суховатые губы, вложила мягкие **булки грудей,** обтянутых розовым трикотажем, в жесткие, железного цвета ладони, покачала их на весу <...>* [9, с. 382]; *Живот, к Таниному огорчению, совершенно не рос, хотя она постоянно испытывала тугую наполненность изнутри, **не имеющую ничего общего с вульгарным состоянием человека, съевшего два обеда враз.** Зато грудь заметно увеличилась, соски выпятились, **как кнопки дверного звонка,** и из розовых стали коричневыми* [9, с. 395].

Итак, феминные уподобления (в том числе немаркированные показателями сравнения) в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» большей частью относятся не к логическим, а к образным, вследствие чего являются субъективно окрашенными, проявляют ирреальную модальность. Доминируют зообразы, образ Тани Кукоцкой актуализируют и антропонимические сравнения, соотнесенные с русской литературой. Характеризуя ведущих героинь романа, формы уподоблений являются текстообразующими, и при этом по-разному осуществляется прием «соотношение тропов и реалий». Содержание феминных образов уподобления часто сопровождается подробными пояснениями, уточнениями, которые нередко прямо или опосредованно содержат указания на отношение автора к ведущим в тексте героиням, и в связи с этим можно обнаружить отдельные концептуально-тематические установки, отражающие ценностные ориентиры в картине мира писателя. Большое разнообразие форм выражения феминных уподоблений – одно из видимых проявлений манеры письма автора-женщины.

Эмоционально-оценочная окраска феминных сравнений по-разному проявляется в речи автора и речи персонажей: в речи автора они резкие, подчас безжалостные или удивляющие своей нестандартностью, в речи героев – шуточные, дружелюбные, ласкательные.

Литература

1. Коробейникова А. А. Внешний вид как составляющая поэтического образа мужчины (по данным лексической структуры лирических текстов А. Ахматовой и М. Цветаевой) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 16. С. 89–94.
2. Воробьева С. Ю. Проблема «Женского стиля» в литературоведении (гендерный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 4. С. 87–91.
3. Монгуш Е. Д. Гендерная проблематика и ее художественная реализация в малой прозе Л. Петрушевской // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-1. С. 306–308.
4. Резанова З. И., Комиссарова О. В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика, анализ, типология // Язык и культура. 2012. № 2. С. 80–90.
5. Одинцов В. В. Сравнение // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 534.

6. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1976. 272 с.
7. Скворецкая Е. В. Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд. НГПИ, 1991. С. 26–36.
8. Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.
9. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 511 с.
10. Берков В. П., Компаративность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под ред. А. В. Бондарко (отв. ред.). СПб.: Наука, 1996. С. 107–160.
11. Квятковский А. П. Сравнение // Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966. С. 280–283.
12. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Либроком, 2015. 192 с.
13. 孟玉凤. 猫在俄语中的文化伴随意义[J]. 林区教学, 2012, (第5期). (Meng Yufeng. The cultural concomitant significance of cats in Russian [J] // Teaching of Forestry Region. 2012. № 5. P. 78–80).
14. Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика, 1988–1990. М.: Наука, 1990. С. 37–63.
15. Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 233–236.

FEMININE ASSIMILATIONS IN TEXT FORMATION OF "THE KUKOTSKY ENIGMA"

BY L. ULITSKAYA

Yanfeng Li^{1, 2, @}

¹ Guangxi Medical University, 22 Shuangyong Road, Nanning, Guangxi, China, 530021

² Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk, Russia, 630126

@ liyanfeng@yandex.com

Received 31.01.2018. Accepted 25.05.2018.

Keywords: gender, feminine figurative assimilation, tropes and realities, allusions, Ulitskaya L., "The Kukotsky Enigma".

Abstract: The article features comparisons by similarity and functionally equivalent metaphors targeting the heroines of The Kukotsky Enigma by L. Ulitskaya. The author proposes to take into account the differences between logical and figurative comparisons, emphasizing its subjective character and surreal modality. Also, the author suggests that figurative and logical comparisons can be combined in a compound sentence with a comparative subordinate clause.

The thematic variety of feminine images of assimilation in the novel correlates with the application of nature-related and anthroponymic comparisons. Zoomorphous type prevails in nature-related comparisons, some of them shaping the associative microfields of the main characters. An attempt is made to explain the writer's conceptual thematic purpose connected with these microfields.

The textual connections between comparison and metaphor are considered to be genetically close linguistic phenomena, which are combined by the common concept of "comparative". This makes it possible 1) to maintain the perceptive integrity of thematic associative microfields with comparative dominants involved in the female images; 2) to trace the correlation of tropes with realia in textual formation. A gender approach to the description of assimilative images and the representation of a wide variety of their modes of expression in L. Ulitskaya's novel have allowed the author to reveal the idiostyle features of the female author. It includes frequent forms of assimilation accompanied by explanations and clarifications that reflect, directly or indirectly, the author's attitude (sympathy, irony, or sarcasm) towards her female characters, as well as her conceptual thematic purpose related to the main characters' fates and that of the family of the famous gynecologist doctor Kukotsky. The article features speech differentiation in the feminine images of assimilation by the author and her characters. The analysis performed has revealed a tendency to female comparative characteristics in L. Ulitskaya's style.

For citation: Li Yanfeng. Feminnye upodobleniia v tekstoobrazovanii romana L. Ulitskoi «Kazus Kukotskogo» [Feminine Assimilations in Text Formation of "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 199–205. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-199-205>.

References

1. Korobejnikova A. A. Vneshnii vid kak sostavliaiushchaia poeticheskogo obraza muzhchiny (po dannym leksicheskoi struktury liricheskikh tekstov A. Akhmatovoi and M. Tsvetaevoi) [Appearance as a constituent of the male poetic image (based on the Akhmatova and Tsvetaeva's structure of poetic)]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Series «Linguistics» of South Ural State University Bulletin*, no. 16 (2008): 89–94.
2. Vorobyeva S. Yu. Problema «Zhenskogo stilia» v literaturovedenii (gendernyi aspekt) [The Problem of "Feminine Style" in Literary Criticism (Gender Aspect)]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia serii. Seriya: Filologiya. Zhurnalistska = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, no. 4 (2013): 87–91.
3. Mongush E. D. Gendernaia problematika i ee hudozhestvennaia realizatsiia v maloi proze L. Petrushevskoi [Gender perspectives and artistic realization in small prose by L. Petrushevskaya]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = The world of science, culture and education*, no. 6-1 (2011): 306–308.
4. Rezanova Z. I., Komissarova O. V. Metafora v modelirovanii gendernykh oppozitsii: metodika, analiz, tipologiya [Metaphor in modeling gender opposition: methods of analysis, typology]. *Iazyk i kul'tura = Language and culture*, no. 2 (2012): 80–90.
5. Odintsov V. V. Sravnenie [Comparison]. *Russkii iazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. Ed. Karaulov Yu. N. Moscow: Drofa, 1997, 534.
6. Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo iazyka* [Comparative constructions in Russian]. Ed. Timofeev K. A. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1976, 272.
7. Skvorettskaia E. V. Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniia sravneniia v russkom iazyke [Comparativeness: from history of means of expression of comparison in Russian]. *Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty vyskazyvaniia* [Semantic and pragmatic aspects of the utterance]. Novosibirsk: Izd. NGPI, 1991, 26–36.
8. Moskvina V. P. *Russkaia metafora. Ocherk semioticheskoi teorii* [Russian metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2012, 200.
9. Ulitskaya L. E. *Kazus Kukotskogo* [The Kukotsky Enigma]. Moscow: AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2015, 511.
10. Berkov V. P. Komparativnost' [Comparativeness]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar: Quality. Quantity]. Ed. Bondarko A. V. Saint-Petersburg, Nauka, 1996, 107–160.
11. Kvyatkovskiy A. P. Sravnenie [Comparison]. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictionary]. Ed. Rodnyanskaya I. Moscow: Sov. Entsikl., 1966, 280–283.
12. Ogol'tsev V. M. *Ustoichivye sravneniia v sisteme russkoi frazeologii* [Stable comparisons in system of Russian phraseology]. Moscow: Librokom, 2015, 192.
13. Meng Yufeng. The cultural concomitant significance of cats in Russian [J]. *Teaching of Forestry Region*, no. 5 (2012): 78–80.
14. Kozhevnikova N. A. O sootnoshenii tropa i realii v khudozhestvennom tekste [On the relation between tropes and realia of the artistic text]. *Poetika i stilistika, 1988–1990* [Poetics and stylistics, 1988–1990]. Moscow: Nauka, 1990, 37–63.
15. Arutyunova N. D. Metafora [Metaphor]. *Russkii iazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. Ed. Karaulov Yu. N. Moscow: Drofa, 1997, 233–236.